

Михаил ВЕЛЛЕР:

Я В ПСИХУШКЕ ЖИЛ КАК КОРОЛЬ

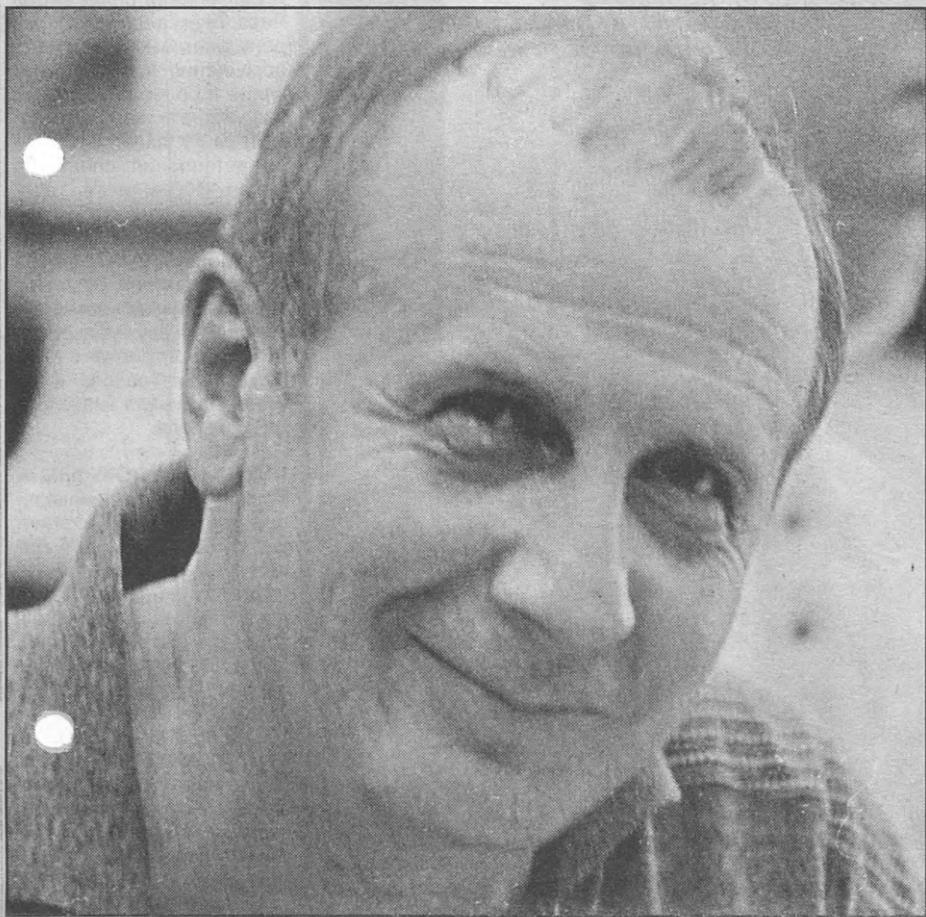

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Михаил Веллер дебютировал в литературе тридцать лет назад. Уже первые его рассказы — оригинальные и потрясающе смешные — вызвали восторг читателей. Огромной популярностью пользуются его книги "Легенды Невского проспекта", "Ножик Сережи Довлатова", "Кавалерийский марш", "Фантазии Невского проспекта", "Ноль часов" и другие. Живет в Таллине.

— Говорят, вам знакома советская психиатрия...

— Это было, когда я учился в Ленинградском университете. Мне надоело учиться и захотелось куда-нибудь на волю, в пампасы. Единственный способ уйти из университета не в армию, а на свободу, — академический отпуск по здоровью. Со здоровьем у меня все было в порядке, и я решил брать отпуск через дурдом. Придумал, что у меня депрессия, и пошел сдаваться в районный психоневрологический диспансер. Изложил глобальные проблемы, и они приняли меня в дневной стационар. В течение двух месяцев я жил, как король, — получал по итогам сессии повышенную сти-

пендию, а утром шел в психушку. Завтракал там и обедал, а таблетки сплевывал. Так что стипендия шла вечером на водку. А так как между завтраком и обедом делать было нечего, то я учился играть на бильярде и гитаре. Диагноз уже не помню, но что-то очень невинное, не чреватое ограничениями в приеме на работу. Что-то типа психастении.

— И как сложилась трудовая биография?

— У меня две трудовые книжки. В одной вкладыш, в другой их целых два. Нигде дольше девяти месяцев не задерживался. Вволю поколесил по стране. Это совершенно естественно, когда мужчи-

на в молодости едет совершенно неизвестно куда и неизвестно зачем. Это было у всех народов во все времена. Папа дает Д'Артаньяну шпагу и старого коня, мама — рецепт бальзама, и он отправляется искать свою долю. Самая красивая запись в моей трудовой — «бригадный стрелок». В этом есть что-то от наполеоновских походов. От гордых егерей.

— Ну, и как первый убитый олень?

— Никак. Я же рос в Забайкалье, и отец часто брал меня с собой на охоту. Поэтому и на первого, и на двадцать первого оленя я не реагировал никак. Но позднее интерес к охоте полностью пропал. Стало

неприятно лишать жизни живое существо. Я утратил азарт. Охота — нечестная игра: ведь ОН тебя не может убить... Но вегетарианцем я не стал.

— Если можно, о творческой биографии. С самого начала.

— Я задумался над тем, что хочу писать, где-то в пятом классе. А внятно осознал это желание в классе в десятом. По литературе на зимние каникулы задали написать стихотворение о зиме. Я написал очень плохое псевдостихотворение. Но оказалось, что у остальных еще хуже. Мое было признано лучшим из всех пятых классов, и его читали всем. Это вдохновило меня на новые опыты.

— Как вы почувствовали славу — проснулись знаменитым, богатым или постепенно?

— Однажды Маркеса на пике его славы, после Нобелевской премии переведенного на все языки огромными тиражами, спросили: «Скажите, вот теперь вы богатый...» — «Нет, — ответил Маркес, — вы ошибаетесь. Я не богатый. Я — бедный человек, у которого завелись деньги». Себя я всегда ощущал частным лицом. Я живу отдельно от своей известности. Было всего несколько случаев, когда мне довелось увидеть ее в действительности. Однажды вечером я тихо шел по Невскому, и тут из лунохода вышел сержант и потребовал документы. Я таскаю с собой старинный писательский билет, а паспорт держу дома. Он долго изучал: «Фамилия знакомая. А вот «Приключения майора Звягина» не вы...?» — «Да, да!» И он меня отпустил с миром. А вообще к этому нельзя относиться всерьез. Если писатель мерещится, что он знаменитый, — он может успокоиться. Пусть попробует собрать такой зал, который влегую соберет Киркоров! Ни у какого Стивена Кинга нет таких тиражей, как у дисков Мадонны.

— Насколько реальны ваши герои?

— Я все придумываю. Ну, за исключением мелких подробностей. Например, был человек, которого звали Фима Бляйшиц, который занимался фарцовкой, который носил белую шляпу, который посидел и вышел, который собирался уезжать и который убил милиционера, который пнул его шляпу, и на вопрос судьи: «За что?» — Фима ответил: «За шляпу». Вот все факты. Прочее — мое.

— У вас есть истории про вполне живых и знаменитых людей. О Зорине, о Ха-

чатуряне... Не было конфликтов на этой почве?

— Зорин человек, бесспорно, умный, и устраивать что бы то ни было и тем самым делать мне бесплатную рекламу, а себя выставлять на посмешище, он никогда не будет. Но я согласен, что за свои слова надо отвечать. И если явится кто-то и скажет: требую сатисфакции — я ее дам.

— Вам в ваших книгах смешным кажется то же самое, что и читателям?

— Нет. Более того, я не нахожу, что в моих книгах чересчур много смешного. Иногда реакции автора и читателей совершенно не совпадают. Когда у меня вышел первый сборник рассказов, я получил письма, и одно из них меня буквально убило. Оно было из какого-то шахтерского поселка Ярцевского района Смоленской области. Сначала там шли комплименты. Причем звучали они примерно так: «Теперь у нас есть три любимых писателя — Вы, Шекспир и Антон Иванович Пупкин из нашей районной писательской организации. Ваш рассказ мы собираемся инсценировать на сцене нашего клуба как гимн труду и гуманизму». И не знаешь — плакать или смеяться. Рассказ был, на мой взгляд, полная чернуха, которая могла только в Эстонии как-то проскользнуть. Там все было с точностью до наоборот. Я это письмо нюхал, рассматривал на свет, пытался по обратному адресу понять — не шутка ли это? Вроде писали всерьез.

— Сейчас в ходу такой туманный термин «русскоязычный писатель». Как вы к нему относитесь?

— Термин «русскоязычное население» появился как один из аспектов демократических перемен. В Эстонии, например, хоном называют «русский» и украинцев, и евреев, и кавказцев. Но украинец или чеченец может обидеться. И тогда стали говорить «русскоязычные». И простым методом переноса кроме русских писателей появились «русскоязычные». Причем здесь наблюдается некая градация. Когда Солженицын жил в Америке, его все-таки так не называли. А вот если кто-нибудь помельче, можно и «русскоязычным». Если он уехал до 91-го года. Все это необыкновенно глупо — русскоязычный бард Окуджава. Или русскоязычный фон Визин из немцев. Это лингвистический идиотизм нашей эпохи. Возможно, в этом есть непреднамеренный, стихийно-природный аспект антисемитизма.

— Вы как-то сказали, что эстонского языка не знаете.

Но пока вы чувствовали себя оккупантом, вам за это было стыдно, а когда вы перекочевали в разряд ущемленных нацменшинств — чувство дискомфорта испарилось. По-вашему, ощущение дискриминации дает некоторые внутренние права и свободы?

— Безусловно. Интеллигентный человек всегда на стороне справедливости. А там, где конфликт между сильным и слабым, и сильный придавливает слабого, ситуация требует выравнивания.

— Один из рассказов «Ножик Сережи Довлатова» — вы сократили в три раза. А где обрезки?

— Я не храню отходы. У меня нет никаких черновиков. Здоровая кошка лучше больного слона. У меня был случай, когда я восемьдесят страниц сократил до полутора. И обрезки выбросил.

— А не жалко свой гонорар — в мусорку?

— Нет. Было бы жалко — писал бы толстые романы с маленьким тиражом. Составил бы план из двадцати детективов и начал наговаривать их прямо на диктофон. По роману в неделю. Пару дней на план сцен и эпизодов, разбивка на главы, и пошел диктовать со скоростью тридцать страниц в час. Но деньги так не зарабатываются. Хочешь денег — торгуй нефтью или организуй фонд и кради из него. Раньше нас убеждали, что важнее всего ум, честь и совесть. Теперь — что деньги. Но это неправда. Люди сплошь и рядом отказываются от денег, чтобы чувствовать себя человеком.

— Так уж сплошь и рядом!

— Ну, представьте, что олигарху скажут, что он получит миллиард за какое-то непристойное публичное действие. Он откажется? Откажется. Потому что он зарабатывает деньги для того, чтобы чувствовать себя человеком с огромными возможностями, обретающим через это достоинство. Если у тебя отбирают достоинство, то деньгами это уже не компенсируется. Я все к тому, что хороший рассказ лучше плохого романа, хотя за роман заплатят больше.

— То есть вы живете не только литературным трудом?

— Я живу литературным трудом. Меня много переиздают. Вот на эти авторские два процента я и живу. Совсем не обязательно писать много, чтобы жить на гонорары. Иногда достаточно писать хорошо.

Встречалась
Лилия ГУЩИНА

Веллер Михаил

31.01.2002

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

МИХАИЛ ВЕЛЛЕР. ИЗ ЦИКЛА «КУХНЯ И КУЛТУРЫ»

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

— Что касается закалки стали, то мозги нам действительно сумели закалить до чугунного состояния, чего нельзя сказать о нервах.

— Бедный парень: искренне верил в то, за что дрался, герой идеи, жизнь положил, слепым трупом на койке — писал! Боролся! и не хуже других. Конечно, с литературной точки зрения ничего это из себя не представляет...

— Да? Так вы что, не слышали, что на самом деле писала это за него бригада профессионалов? Совершенно известная история. Он действительно пытался... а нужно было создать

легенду, зная, ударную книгу сталинской молодежи.

— Слушайте, я в литературе не сильно волоку, но один случай там интересный; примечательный. Про узкоколейку. Все помнят, да: строили, метель, зима, дрова возить, голод, герои?

Так вот. Я как-то на шпалке строил с бригадой узкоколейку в леспромхозе. Валим просеку, обсушковка, режем стволы на шпалы и укладываем, потом рельсы накладываем и пришиваем. По десять часов, в заболоченной тайге, гнус жрет, — пахота. И за месяц вдвоем сделали километр. Тяжело;

спали спокойно, жрали кашу-макаронки — от пуза.

И вот в выходной как-то я вспомнил — и задумался: а сколько же они там километров-то сделали, в «Стали»? Интересно...

Прилетел домой — схватил книжку с полки.

Изумительная вещь обнаружилась! Я там такого вычитал — семьдесят лет назад бедные комсомольцы сами не подозревали! Явная диверсия была устроена — и до сих пор не раскрыта!!!

Ну, что городские власти в ноябре обнаружили, что скоро будет зима, а дров нет — это по-нашему, по-советски; это уже неплохо.

Сколько послали комсомольцев? — Триста.

Сколько верст надо построить? — Шесть.

Кто проходил в первом классе арифметику? Сколько будет разделить триста комсомольцев на шесть верст? — Будет один комсомолец на двадцать метров. Двадцать метров!

Объясняю, что такое двадцать метров. Это двадцать пять шпал и три звена рельсов (они шестиметровые). Шпала-кругляк под узкоколейку весит килограмм двадцать пять. Рельс тогда под узкоколейку шел практически весь ТИП-18 или ТИП-22 — это восем-

надцать или двадцать два килограмма на погонный метр, а весь рельс, стало быть, сто десять—сто тридцать кило. И вот эти двадцать пять шпал и шесть рельсов на человека они и делали героически бесконечные недели!! эпопея!! причем шпалы лежали уже готовые, только подноси и клади! да мы им эту вонючую дорожку вдвоем за месяц сделали бы!

Организация — сверхбездарная! куча народу без толку. Делись на три смены вкруглосуточную, доставай любые тележки возить шпалы и рельсы вдоль трассы, — да там на два дня макси-

мум работы для такой оравы!

А самое главное — на кой черт они долбили в мерзлой твердой земле ямки под шпалы?!?! Какой идиот, какой саботажник им то велел?! кладут прямо на землю! все, всегда, везде!!

Да — холодно-голодно-бандиты. Конечно. Так не два дня, а шесть: четыре шпалы и одна рельса в день. Норма дистрофика с нарушением координации. Да нет — просто смехотворно. Апофеоз идиотизма. Прообраз наших строек. Боже мой!

Закалка стали? Молотом по яйцам это, а не закалка стали! ■